

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-268-276

Научная статья

«Имам, не ходи в Грозную»: о главной мысли исторического романа Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек»

И.С. Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, PCO-Алания, 362027, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 22

Аннотация. Хаджи-Мурат Магометович Мугуев (1893—1968) — видный представитель советской литературы, осетин по происхождению, писавший на русском языке. Ветеран трех войн (Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной), Мугуев большинство своих произведений посвятил военной тематике; а вершиной его творчества является исторический роман «Буйный Терек» (1937—1968), повествующий о Кавказской войне XIX века. Вопрос, вынесенный в заглавие статьи актуален, во-первых, в связи с потребностью нового прочтения текста советской литературы, особенно в части ее исторической концепции; во-вторых, в связи с ярким этнокультурным характером материала; в-третьих, с самобытной поэтикой транслингвальной (русскоязычной) литературы народов российского Кавказа. Следует также отметить, что в современном литературоведении роман осмыслен не в полной мере, а в советский период, увлекшись большими идеологическими вопросами, провоцируемыми его содержанием, специалисты не уделили достаточного внимания его вымышленным героям, внутренней композиции и частным мотивам, работающим на главную идею. Здесь мы намерены, опираясь на ряд ключевых моментов, осветить один из идейных дискурсов текста Мугуева, относящихся в авторской гуманистической системе к знамениям грядущего мира между народами Кавказа и России.

Ключевые слова: Хаджи-Мурат Мугуев, «Буйный Терек», Кавказская война, мюридизм, декабризм, исторический роман, социалистический реализм, идейная тенденция

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20.05.2021

Дата принятия к печати: 09.07.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

© Хугаев И.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Хугаев И.С. «Имам, не ходи в Грозную»: о главной мысли исторического романа Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 268—276. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-268-276

Research Article

“Imam, don’t go to Groznaya”: on the fundamental idea of the historical novel “The Wild Terek” by Hadji-Murat Mugev

I.S. Khugaev

Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
22, Markus Street, Vladikavkaz, RNO-Alania, Russian Federation, 362027.

Abstract. Hadji-Murat Mugev (1893—1968) was a prominent representative of Soviet literature, an Ossetian by origin who wrote in Russian. As a veteran of three wars (WWI, the Civil War, and WWII), Hadji-Murat Mugev devoted most of his works to military topics. *The Wild Terek* (1937—1968), a historical novel about the Caucasian War of the 19th century, is considered his magnum opus. The topic proposed herein is of interest due to, first, the desirability of a new reading of the text of Soviet literature, especially as regards its historical concept; secondly, a vivid ethno-cultural character of the material; thirdly, a peculiar poetic manner of translangual (written in Russian) literature of peoples of the Russian Caucasus. It is noteworthy that the novel has not received due consideration by contemporary literary criticism; as for the Soviet period, the then critics were carried away with the major ideological issues provoked by its contents and thus disregarded its imaginary characters, internal framework and particular motifs that worked for the fundamental idea. In this article, by relying on a number of key factors, we intend to highlight some ideologic discourses of Mugev’s text referring to the author’s humanistic system and signs of forthcoming peace between the peoples of the Caucasus and Russia.

Key words: Hadji-Murat Mugev, “The Wild Terek”, the Caucasian War, the Mouride brotherhood, Decembrism, historical novel, socialist realism, ideologic trend

Article history:

Received: 20.05.2021

Accepted: 09.07.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Khugaev, I.S. 2021. “Imam, don’t go to Groznaya”: on the Fundamental Idea of the Historical Novel “The Wild Terek” by Hadji-Murat Mugev’. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 268—276. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-268-276

Введение

Исторический роман Хаджи-Мурата Магометовича (1893—1968) Мугуева «Буйный Терек» (1937—1968) — яркое произведение советской эпохи. Роман неоднократно переиздавался и пользовался большим успехом, но, как всякое самобытное литературное явление, к тому же воспроизводящее сложные социально-исторические процессы прошлого, удаивался подчас довольно разноречивых оценок и у читателей, и среди критиков и литературоведов.

Определенный скепсис вызывала у некоторых специалистов трактовка революционных феноменов эпохи и типизация образов исторических лиц. Например, в предисловии к 4-му изданию романа профессор И.Н. Бороздин подробно остановился на проблеме идеологического осмысления мюридизма и образов его предводителей и упрекал автора за «излишне идиллическое повествование» [1. С. 5—10], а К. Давыдов [2], Х.Д. Ошаев [3. С. 168—172] и Н.Г. Джусойты [4] укоряли Х.-М. Мугуева за тенденциозное освещение личности генерала А.П. Ермолова. С другой стороны, Э.Е. Левонтин [5], Ю.Н. Либединский [6] и Мусса Хаким (М.Г. Домба) [7], Т.К. Гальченко [8. С. 13—16; 9. С. 3—15] и др. выступили с положительными и довольно комплиментарными отзывами.

В 2015 году мы, рассмотрев и обобщив содержание этой критической литературы, предложили свою интерпретацию [10], в которой из-за комплексного подхода к роману, требовавшего внимания к вопросам историзма и реализма, упустили из виду, вслед за нашими предшественниками, ряд нюансов. Здесь мы предлагаем уточнение и дополнение к своим предыдущим работам в части, относящейся к основной идее Х.-М. Мугуева — именно к ее динамическому развитию, сопряженному с событийной канвой, и ее апофеозу.

Обсуждение

По своим основным параметрам «Буйный Терек» — типичное произведение литературы социалистического реализма [10. С. 40—41; 56—57]. Об этом позволяют говорить и концепция образа народа как субъекта исторического процесса, и акцент на классовой борьбе, и интернациональный пафос в его традиционном значении. Однако центральная тема произведения — первый этап (предводительство имама Гази-Магомеда) Большой Кавказской войны — наряду с происхождением автора (осетин-казак из станицы Черноярской Терской области) обусловили (конечно, не только они) оригинальные акценты и обертоны главной исторической и художественной мысли «Буйного Терека». Роман Х.-М. Мугуева на всех своих главных уровнях содержания и формы является образцом пограничного культурного синтеза подобно тому, как сам автор воплощал в себе неразрывное единство русской (казацкой) и горской (осетинской) культурных традиций. Выявление идеи романа должно учитывать его этнокультурные источники.

Замечательной особенностью романа «Буйный Терек» является то, что образ штабс-капитана Александра Небольсина — главного героя романа, «солнца» его образной системы — обретается в нейтральном — в плане основного военно-политического конфликта между Россией и горцами Северного Кавказа — поло-

жении. Главный герой равно близок (этически и нравственно) «вождям» вступивших в конфликт сторон. Офицер, близкий по духу генералу Ермолову, парадоксальным образом вполне сочувствует Гази-Магомеду и его борьбе. Тем самым в образе (или образом) Небольсина уже идейно примирены две противостоящие друг другу исторические силы. Вследствие этого здесь правомерно говорить не только о «степени широты захвата исторического поля» [11. С. 9], но и о степени его «глубины» в произведении Мугуева.

В полном соответствии с реалистическим подходом к изображению человека в крупных хронотопах образ Небольсина дан Мугуевым в определенной динамике. Если в первой книге романа развитие данного образа определяются преимущественно перипетиями личной судьбы (сюжетная линия Небольсин — Нюшенька — Голицын — Петушков), то во второй становление личности Небольсина сопряжено с центральной, исторической темой романа и во многом обусловлено влиянием Алексея Булаковича, дворянина и офицера, сосланного на Кавказ за участие в восстании декабристов. На первом этапе в отношении образа Небольсина проблема решается в вынесении им «приговора» крепостничеству и самодержавию, на втором — войне (как их следствию).

Здесь мы застаем Небольсина в состоянии глубокой апатии, которая явилась результатом личной трагедии (гибель любимой женщины). Хорошо известный мотив разочарованности в жизни может спровоцировать сближение этого образа с литературными типами соответствующей описываемым событиям эпохи. Персонаж Мугуева в общем закономерно ассоциируется с образами «героев времени» и «лишних людей». Это подтверждает его художественно-историческую достоверность, но в то же время Мугуев как писатель XX века и представитель нового художественного метода не хотел, чтобы трактовка его героя читателем обуславливалась только литературными стереотипами романтизма и критического реализма. Стремясь убедить нас в обманчивости внешних ассоциаций, он предупреждает такую оценку образа, вкладывая в уста Евдоксии Чегодаевой речи о «северном Чайльд Гарольде», «байронизме» и «пушкинских кавказских чудесах» [12. С. 285, 293], исполненные, как отзывается о них Небольсин, «милой романтики» [12. С. 310], ибо в этой великосветской интерпретации характеристика Небольсина теряет всякую убедительность.

Апатия и разочарованность главного героя «Буйного Терека» иного порядка: это результат не шума бала, а грохота битвы, это не «английский сплин» и не «русская хандра»; это драма патриота, усомнившегося в «правоте Отечества» подобно тому, как А.С. Грибоедов осознал «трагическую вину своей родины» [13. С. 68]. «Одна мечта у меня. Уйти с военной службы» [12. С. 7]: это слова «обновленного» Небольсина, ибо он не мог произнести их до личной трагедии, тяжелого ранения на русско-персидском фронте и поражения Ермолова в «схватке» с Петербургом. Когда мы узнаем, что он «освободил от тягот крестьян и также подумывал вовсе освободить ряд семейств» [12. С. 59], тенденция развития этого образа получает векторное обозначение. По возвращении же героя на Кавказ основной дискурс работы его сознания уже соответствует мугуевскому «синдрому декабризма»: «Зачем все это? К чему ночные походы, разорение аулов, смерть

вот этих терпеливых, все сносящих солдат?» [12. С. 241]. Горцы глубоко симпатичны Небольсину, как и другим, реальным «невольникам чести», служившим на Кавказе: «Признаюсь, — писал декабрист В.С. Норов, — что я шел в бой за дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, что бы считать черкесов своими врагами» [14. С. 85].

Большое значение имеет в романе эпизод посещения Небольсиным осетинского аула под Владикавказом. Примечательно, что хронологически это событие параллельно пребыванию Булаковича в плену у дагестанцев и чеченцев. Этот момент является своего рода прологом их будущих отношений, отмеченных глубоким взаимопониманием и искренней дружбой.

Несмотря на то, что Булакович находится в качестве военнопленного в немирном Чиркее («Буйный Терек», таким образом, развивает богатую в мировой литературе тему «кавказского плена»), а Небольсин — гость союзных русским войскам осетин, их наблюдения и выводы абсолютно конгениальны. Непосредственное соприкосновение с бытом горцев, с их обычаями и нравами становится для них настоящим откровением. Это один из важнейших лейтмотивов всемирной литературы, которая отражает трудный, но неуклонный процесс духовного единения человечества, взаимопознания народов и наций, и особенно впечатляюще и драматично эта тема звучит в русской литературе, и особенно в той ее части, которая относится к кавказской тематике. Достаточно вспомнить здесь «Путешествие в Арзрум» и «Кавказского пленника» А.С. Пушкина, «Кавказского пленника» М.Ю. Лермонтова, «Аммалат-бека» А.А. Бестужева-Марлинского, «Хаджи-Мурат» и «Казаки» Л.Н. Толстого, «Кавказскую повесть» П.А. Павленко и другие произведения. Мугуевские «русский и дагестанец» (и русский и осетин) содержат массу классических реминисценций:

Небольсин не сводил глаз с танцующих. Все ему казалось фантастическим, чем-то нереальным и в то же время необходимым. Да, именно здесь, впервые после Петербурга, он был самим собой. Среди этих искренних, простых людей с их немудреной жизнью, с эпически спокойными понятиями о жизни и смерти, о веселье и горе. Как хорошо, что меня вернули на Кавказ, к этим чистым, неиспорченным цивилизацией детям природы. Среди них, среди казаков и поселенцев пусть проходит моя жизнь... [12. С. 198].

Булакович изучал своих хозяев... Все здесь дышало строгой простотой, естественной сдержанностью и свободным общением. За обедом сидели равноправные, хотя один из них был имамом, остальные мюридами или просто жителями аула. Ничего похожего на раболепство, на петербургское низкопоклонство... Во всем была какая-то библейская патриархальность, напоминавшая героев Вальтера Скотта или рассказы о первобытной простоте нравов и жизни индейцев Северной Америки... Такими, вероятно, были наши предки, когда не знали денег, бояр, крепостной зависимости, гнева и прихоти царей... [12. С. 212—213].

Горцы в глазах Булаковича и Небольсина — «естественные» люди (Мугуев продвигает здесь несколько руссоистскую идею). Вся их, горцев, жизнь — движение естественных чувств, что, по Мугуеву, должно служить если не доказательством их полной правоты, то, во всяком случае, бесспорным аргументом в пользу их защиты.

Последние наблюдения и мысли Булаковича и Небольсина непосредственно предваряют один из важнейших диалогов романа Мугуева. Это своего рода квинтэссенция идеи произведения. Случилось то, что закономерно и неизбежно (в данностях художественной концепции автора) должно было произойти: представители прогрессивных исторических, аккумулирующих общенародные идеалы, тенденций развития Кавказа и России (имам Гази-Магомед и прапорщик Булакович) беседуют как старые друзья и понимают друг друга без посредника, — если не считать толмача:

- ...вовсе не знаем мы, русские, горцев.
- Потому и воюете, что не знаете. Что же ты... узнал нового?
- Вы — гордый, вольнолюбивый народ, а не дикари, как вас называют наши начальники...
- Я верю тебе, урус. Ты человек храбрый, справедливый, перенесший от своего падишаха много горя и зла. Мы знаем, что есть немало солдат, которые пытались сделать своему народу добро... Спасибо тебе, русский друг... Ты честен, как истинный ших [12. С. 214—216].

Мугуев очевидно далек от желания сколько-нибудь усложнить свою концепцию. Его «предмет веры» прост: он видит вполне достаточное основание для соотнесения мюридизма и декабризма в наивной аналогии, сформулированной имамом: «Мы тоже (мюриды, как и декабристы — И.Х.) стремимся к тому, чтобы простой народ был свободен и сыт» [12. С. 214].

Так военно-политическое противостояние России и Северо-Восточного Кавказа (Дагестана и Чечни) лишается в «Буйном Тереке» доминирующего значения. Максимальную идейную нагрузку получает не межнациональный, а социально-исторический конфликт эпохи, обнаруживаемый как во внутрироссийской, так и во внутрикавказской общественно-политической обстановке (две России — два Кавказа), в которой мюридизм и декабризм трактуются в роли прогрессивных, революционных тенденций. Вероятно, именно это обстоятельство имел в виду Э.Е. Левонтин, когда писал: «Две чистые струи, сливаясь в единый поток повествования, придают ему глубину и быстрину. Течение становится неукротимым, сильным. Подобно быстрому Тереку» [5].

В дальнейшем (после освобождения из плена) в рассуждениях Булаковича, равно как и Небольсина, с которым они тесно сходятся, доминируют окончательно оформившиеся идеи бесперспективности войны. Мысли, высказываемые сначала А.С. Грибоедовым (4-я глава книги 1-й) и А.С. Пушкиным (1-я глава книги 2-й), и предварявшие собой разные этапы развития действия и идеи романа, в лице Небольсина, Булаковича и Гази-Магомеда получают как бы всестороннее эмпирическое обоснование. Политических целей, считает Булакович, можно и должно достигнуть «не походами в горы, не уничтожением аулов и людей, а примирением, отводом войск за линию, признанием их (горцев — И.Х.) призрачной самостоятельности, усиленной торговлей с горцами, открытием школ, приобщением к русской жизни, помощью деньгами и образованием...» [12. С. 308—309].

Роман являет собой не иллюстрацию авторской концепции, предварявшей художественный опыт, а живой, динамичный процесс становления и реализации идеи, при котором сюжетная кульминация резонирует с наиболее мощным идей-

ным акцентом. Речь идет о главах романа, повествующих о совместном пребывании Небольсина и Булаковича в ставке имама (в качестве послов-парламентеров). Заметим, что к этому времени обозначились (в повествовании Мугуева) определенные кризисные явления как вообще в горской среде, так и в самом мюридистском движении: экономическая деградация в результате изнурительной войны, «падение адатов» в оставшихся без мужчин аулах, первые нелицеприятные признаки пренебрежения к шариату со стороны уставших от газавата шихов и т.д. Хорошо чувствуя ситуацию, русское командование предлагает горцам перемирие на весьма сомнительных для имама и верных ему сподвижников условиях.

«...имам, не ходи в Грозную, — говорит Алексей Булакович Гази-Магомеду. — Царь никогда не помилует тебя, как не простит и нас, тех, кто шесть лет назад поднялся против него» [12. С. 362]. Драматизм положения в том, что Булакович и Небольсин совершают, в сущности, диверсию по отношению к своему начальству и царскому правительству, но с точки зрения нравственной они — «защитники свободы и правды» [12. С. 367]. Так Небольсин и Булакович становятся своего рода русскими Тазитами.

Мы не будем вникать в нюансы этой аналогии; мы только хотим указать общее культурное значение феномена, позволившее В.Г. Белинскому ассоциировать Тазита даже с Галилеем, которого «в Италии чуть не сожгли живого за его несогласие с чеченскими понятиями о мировой системе»; здесь мы тоже наблюдаем вечную борьбу «общего с частным, разума с авторитетом и преданием, человеческого достоинства с общественным варварством» [15].

Перемирие не состоялось, но русские послы, как, впрочем, и Гази-Магомед, хорошо сознают, что оно не принесло бы мира. Эпизод заканчивается сценой клятвы имама и мюридов на Коране — в том, «что ни один из них никогда, даже под страхом смерти и боясь вечного огня ада, не скажет никому о том, что говорили здесь эти два русских человека» [12. С. 363].

По возвращении из посольства в крепость Грозную между капитаном Небольсиным и прапорщиком Булаковичем окончательно утверждаются узы братства. Теперь диалоги их кратки и лаконичны, благодаря чему красноречивым становится само молчание, а реплики героев выигрывают в содержательности и характерности.

«В день четырнадцатого декабря, — говорит Небольсин, — я был на Кавказе, а людей, вышедших на Сенатскую площадь, почитаю героями» (...) “Спасибо”, — сердечно поблагодарил Булакович и снова улегся на песок. Это был весь их разговор, связанный с поездкой к имаму» [12. С. 367].

Заключение

Строгий критический взгляд может, вероятно, распознать в ряде построений Мугуева идеализацию исторических явлений и отдельных образов, а также элементы некоторого «утопического прекраснотушия», связанного, в частности, с верой автора в то, Советский Союз раз и навсегда воплотил идеалы, оставшиеся за пределами романного нарратива. Но коль скоро это не так, роман Мугуева сегодня даже более актуален, чем в эпоху его создания. По меньшей мере, он ак-

туализирует важность культурной органики межнационального диалога, без которой немислим и «русский мир», уже явивший нам свои смутные — и прекрасные черты. Он показывает по меньшей мере, насколько органичной была для русского офицера — именно для людей, подобных Небольсину и Булаковичу — «идея включения кавказского мира в общероссийский мир», что Кавказ важен для России «не просто как колонизированное пространство», а как «исторически и культурно необходимый фрагмент империи» [16. С. 131].

Таким образом, «Буйный Терек» является одним из тех произведений мировой литературы, которые воплощают великую творческую идею движения народов к единению и противостоят как историческим концепциям и политическим доктринам, утверждающим разобщенность мира и фатальную несовместимость бытия разных народов, так и безличной глобализации. Даже схематизм Мугуева носит теплый, гуманистический характер, ибо он вскрывает положительный смысл всемирного исторического процесса: движение от войны — к миру, от культуры силы — к культуре разума, из эпохи страха — в эпоху свободы.

Список литературы

1. *Бороздин И.Н.* Предисловие // Мугуев Х.-М.М. Буйный Терек: в 2 кн. Орджоникидзе: Ир, 1974. Кн. 1.
2. *Давыдов К.* «Буйный Терек» // Социалистическая Осетия, 1959. 8 дек.
3. *Хугаев И.С.* К переписке Хаджи-Мурата Мугуева и Халида Ошаева // Известия СОИГСИ, 2017. Вып. 26 (65). С. 165—177.
4. *Джусойты Н.Г.* Письмо к Х.-М.М. Мугуеву от 28 авг. 1959 г. // Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата Мугуева. Ст. 1. П. 3. К. 8. П. 1.
5. *Левонтин Э.Е.* Отзыв на роман Х.-М. Мугуева «Буйный Терек». (Письмо в Воениздат от 1 окт. 1959 г.) // Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата Мугуева. Ст. 2. П. 1. К. 2 (рукопись).
6. *Либединский Ю.Н.* Рецензия на роман Х.-М. Мугуева «Буйный Терек» (1958 г.) // Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата Мугуева. Ст. 1. П. 3. К. 1. П. 4.
7. *Хугаев И.С.* Мусса Хаким (М.Г. Домба) и его письма к Хаджи-Мурату Мугуеву // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 21 (60). С. 142—165.
8. *Гальченко Т.К.* Творчество Х.-М. Мугуева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
9. *Гальченко Т.К.* Очерк жизни и творчества Х.-М. Мугуева: учебно-методическое указание: в 2 ч. Орджоникидзе, 1980. Ч. 2.
10. *Хугаев И.С.* Кавказская война XIX века в историческом романе Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек»: историзм, нарратив, идеал. Владикавказ: ВНЦ РАН: ИПЦ ИП Цопанова А.Ю., 2015.
11. *Макаровская Г.В.* Типы исторического повествования. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972.
12. *Мугуев Х.-М.М.* Буйный Терек: исторический роман: в 2 кн. Орджоникидзе: Ир, 1974. Кн. 2.
13. *Юсуфов Р.Ф.* Дагестан и русская литература конца XVIII в. и первой половины XIX в. М.: Наука, 1964.
14. *Гапуров Ш.А., Магамаев В.Х.* «Певцы свободы», «невольники чести». Кавказские мотивы в творчестве декабристов, русских поэтов и писателей — участников Кавказской войны // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сб. научн. статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Краснодар, 23—25 октября 2014 года. С. 81—94.
15. *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0220.shtml (дата обращения: 26.04.2021).

16. Гордин Я.А. Русский человек и Кавказ // Культура и общество. Альманах Фонда им. Д.С. Лихачёва. Вып. 2—3. СПб., 2006. С. 112—131. URL: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Caucasus.html> (дата обращения: 26.07.2021).

References

1. Borozdin, I.N. 1974. "Predislovie". In Muguev, Kh.-M.M. Buynny Terek: in 2 books. Ordzhonikidze: Ir. Book 1. Print. (In Russ.)
2. Davydov, K. 1959. "Bujnyj Terek". Sotsialisticheskaja Osetija, 8 dec. Print. (In Russ.)
3. Khugaev, I.S. 2017. "K perepiske Khadzhi-Murata Mugueva i Khalida Oshaeva". Izvestiya SOIGSI 26 (65): 165-177.
4. Dzhusoity, N.G. 1958. Pis'mo k Kh.-M.M. Muguevu ot 28 avg. 1959 g. Archives of Khadzhi-Murat Muguev Foundation. Article 1. Part 3. Book 8. Manuscript. (In Russ.).
5. Levontin, E.Ye. 1959. "Otzyv na roman Kh.-M. Mugueva «Buynny Terek». (Pis'mo v Voenizdat ot 1 okt. 1959 g.)". Archives of Khadzhi-Murat Muguev Foundation. Article 2. Part 1. Book 2. Manuscript. (In Russ.).
6. Libedinskiy, Yu.N. 1958. "Retsenziya na roman Kh.-M. Mugueva «Buynny Terek» (1958 g.)". Archives of Khadzhi-Murat Muguev Foundation. Article 1. Part 3. Book 1. P. 4. Manuscript. (In Russ.).
7. Khugaev, I.S. 2016. "Mussa Khakim (M.G. Domba) i yego pis'ma k Khadzhi-Muratu Muguevu". Izvestiya SOIGSI 21 (60): 142—165. Print. (In Russ.)
8. Galchenko, T.K. 1971. "Tvorchestvo Kh.-M. Mugueva". Candidate of Philology Thesis, Moscow. Print. (In Russ.).
9. Galchenko, T.K. 1980, 1982. Ocherk zhizni i tvorchestva Kh.-M. Mugueva: recommendations. In 2 parts. Ordzhonikidze: Ir. Part 2. Print. (In Russ.).
10. Khugaev, I.S. 2015. Kavkazskaya vojna XIX veka v istoricheskom romane Khadzhi-Murata Mugueva «Buynny Terek»: istorizm, narrativ, ideal. Vladikavkaz: VNTS RAN: IPTS IP Tsopanova A.Yu. Print. (In Russ.).
11. Makarovskaya, G.V. 1972. Tipy istoricheskogo povestvovaniya. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta. Print. (In Russ.).
12. Muguev, Kh.-M.M. 1974. Buynny Terek: in 2 books. Ordzhonikidze: Ir. Print. (In Russ.).
13. Yusufov, R.F. 1964. Dagestan i russkaya literatura kontsa XVIII v. i pervoy poloviny XIX v. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.).
14. Gapurov, Sh.A., and V. Kh. Magamaev. 2014. ««Pevtsy svobody», «nevol'niki chesti». Kavkazskiy motivy v tvorchestve dekabristov, russkikh poetov i pisateley — uchastnikov Kavkazskoy vojny. Lermontov v istoricheskoy sud'be narodov Kavkaza". In Russian Scientific Conference, devoted to M. Yu. Lermontov Anniversary, Proceedings. (October, 23-25, 2014, Krasnodar, Russia). Print. (In Russ.).
15. Belinskiy, V.G. Sochineniya Aleksandra Pushkina. Web. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0220.shtml (Access: 26.04.2021).
16. Gordin, Ya.A. 2006. "Russkiy chelovek i Kavkaz. Kultura i obshchestvo". Almanakh Fonda im. D.S. Likhacheva 2—3: 112—131. Web. URL: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Caucasus.html> (Access: 26.04.2021).

Сведения об авторе:

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник комплексного научно-исследовательского отдела Владикавказского научного центра Российской академии наук. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru

Bio Note:

Irlan S. Khugaev is a Doctor of Philology, a leading researcher of the Integrated Research Department of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru